

БИБЛИОТЕКА СЕМЕЙНОГО РОМАНА*

Владимир

ЧУГУНОВ

ПОСЛЕ
КАТАСТРОФЫ

Библиотека семейного романа

Владимир Чугунов
После катастрофы

МОФ «Родное пепелище»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

Чугунов В. А.

После катастрофы / В. А. Чугунов — МОФ «Родное пепелище»,
2019 — (Библиотека семейного романа)

ISBN 978-598948-071-5

Отец (бывший рок-музыкант) и дочь (начинающий композитор и исполнитель) едут на международный музыкальный конкурс в Пекин. Этой поездки никогда бы не произошло, если бы не катастрофа, в одночасье разрушившая всё их семейное благополучие. Объявивший душу мрак, связанный с гибелью жены, неудачным замужеством дочери, другими событиями, тянется два года, во время которых отец семейства пытается найти ответы на мучительные вопросы. Долгое время ему это не удаётся, пока в его руках не оказывается папка с рукописью умершего в начале семидесятых годов писателя. И с этой минуты для отца семейства начинается очередное испытание... Ну а затем для них с дочерью открывается новая страница жизни, связанная не только с поездкой в Китай, но и с другими знаменательными и совершенно неожиданными событиями...

УДК 821.161.1

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

ISBN 978-598948-071-5

© Чугунов В. А., 2019

© МОФ «Родное пепелище», 2019

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	24
Глава четвёртая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Чугунов

После катастрофы

Глава первая

«Сапсан» шёл на большой скорости, и всё-таки Евдокимов кое-что успел разглядеть. Сначала его внимание было приковано к утопающему в буйной зелени начала августа двухэтажному зданию школы, в которой когда-то учился, окружающим её одноэтажным домам и садам широко раскинувшихся по обеим сторонам железной дороги посёлков и наконец – к воспоминаниям. Воспоминания подтолкнули к размышлениям. Для чего, собственно, надо было проделать такой сложный жизненный путь, чтобы в итоге отправиться в далёкий, ещё никем не разгаданный и никому непонятный Китай, – одни же относительно его статуса предположения и догадки? Завоюют-де хитростью и даже приберут Россию к рукам аж до Урала. Что на это сказать, Евдокимов не знал, и вообще, думал не раз, можно ли к подобным заявлениям относиться серьёзно? И в то же время чем больше изучал эту страну, тем меньше её понимал. А совсем недавно в интернете наткнулся на китайский мультфильм, в котором был сделан прозрачный намёк на то, что бесследно исчезнувший архив Берии якобы находится в Китае, о чём последний почему-то именно теперь да ещё таким странным образом решил намекнуть всему миру. И что это могло означать, Евдокимов тоже не понимал. Впрочем, и без этого забот хватало. Три года назад в автомобильной катастрофе погибла его жена Аня, и в течение двух лет он не находил себе места и только год назад стал потихоньку приходить в себя, а теперь, увидев родные палестины, опять вспомнил всё. Он так разволновался, что сидевшей напротив дочери это послужило очередным поводом для беспокойства:

– Что-то случилось?

– Что?

– У тебя такой взгляд...

Когда-то с гордостью и достоинством молодого папы Евдокимов носил дочь на руках, и в такие минуты их лица светились счастьем, равного которому он не знал.

– Взгляд?.. Да-да... вот именно... взгляд... – пробормотал он, и при встрече с всё понимающими глазами Жени у него ещё сильнее сдавило сердце.

«Да неужели теперь так и будет?!» – внутренне возмутился он и тут же поднялся, а затем, выйдя в тамбур, долго стоял там, прислонившись к стене, безучастно созерцая заоконные пространства, отстранённо внимая перестуку колёс.

Когда наконец со своими огромными чемоданами они вышли на платформу Курского вокзала, к ним привязался мужичок в синей спецовке с предложением проводить общественным транспортом до аэропорта, а это означало: подземным переходом до метро, затем до Белорусского вокзала и наконец Аэроэкспрессом до Шереметьева. Прикинув в уме все эти подземные и надземные переходы, спуски и подъёмы на эскалаторах, вечно забитые до отказа вагоны метро, духоту, толкотню, Евдокимов отказался.

Внизу встретила стая «бомбил» с самодельными ламинированными карточками «Taxi» в руках.

– Домодедово, Внуково, Шереметьево... – методично повторял главный. Уловив любопытный взгляд Евдокимова, поинтересовался: – Куда ехать?

– Почём?

– Смотря куда.

– Шереметьево.

– Какое?

- Второе.
- Стоявший рядом таксист с уважением заметил:
- Международный!
- Две с половиной.
- Две.
- Две двести.
- Ладно.
- Чья очередь?
- Николая.
- Николай, забирай пассажиров!

И следом за крепким мужичком они двинулись по тоннелю к выходу в город, какими-то задворками вышли к тупику хозяйственных построек, где было плотно наставлено полтора десятка иномарок, их – оказалась праворуким японским минивэном.

Погода хмурилась с утра. Мелкий дождик лениво сеял на лобовое стекло, мокрый асфальт, чахлую зелень.

Было воскресенье, а стало быть, затишье транспортных потоков самого огромного и беспокойного града России. Ширина и длина проспектов, название улиц (Неглинная, Волхонка, Малая Бронная, Сретенка, Охотный ряд, Садово-Каретная...) поражали воображение каждого впервые прибывающего, как и Евдокимова в тот далёкий памятный день. За время учёбы Евдокимов к этому быстро привык, без прежнего глазастого любопытства передвигаясь в людских потоках. Уже не поражали ни отделанные мрамором и мозаикой станции метро с бронзовыми изваяниями строителей коммунизма, ни количество соревнующихся театров, ни столичный шик ресторанов, в которых приходилось играть, ни ломившийся от обилия снеди вечно забитый покупателями Елисейский гастроном, ни скорость распространения слухов. Москва довольно быстро надоедала (до изжоги, до наплевать на всё), но стоило уехать, и буквально на третий день его начинало тянуть к этому непрерывному движению, к погоне за ускользающей удачей, за премьерой спектакля, фильма, за потрясающей новостью, статьёй, газетным или журнальным бумом, за свежей пластинкой (как справедливо заметила Марина Цветаева, а Женя с музыкальной торжественностью воспроизвела: «Москва – Какой огромный / Странноприимный дом! / Всяк на Руси – бездомный. / Мы все к тебе придём...»). Казалось, Евдокимову не хватало какого-то механического завода, с которого начинался каждый новый день – «вставай, вставай, кудрявая... страна встаёт со славою...» А какое удовольствие доставляло радение на подпольных концертах тогдашних кумиров отечественного рока, а потом самому заводить толпу децибелами и закидонистыми словами собственных песен. И всё это когда-то была его Москва.

До Шереметьева добирались больше часа и за всё время пути ни о чём не разговаривали. Уловив в отце ностальгическое настроение, дочь не приставала с вопросами и во все глаза смотрела по сторонам. Москва в её представлении, как и самого Евдокимова когда-то, была местом больших надежд. Увы, но и тогда только через столицу можно было пробиться на большую сцену. Весь шоу-бизнес крутился тут. Только в отличие от прежних времён, финансовыми делами заправляли распорядители капитала, как, впрочем, и в остальных сферах искусства. Представители бизнеса жировали, производители культурных благ если не нищенствовали, то целиком зависели от распорядителей капитала. К ним Евдокимовы не совались, да и не с чем было пока. Дочь, разумеется, так не считала. Несовершенство до поры до времени не в состоянии видеть своё несовершенство и, пока несколько раз подряд не обожжёт крылья, не успокоится: всё-то ему кажется, обходят его бездарные, с набитыми деньжищами карманами. На самом деле это далеко не так или не совсем так. Евдокимов знал это по собственному опыту. Но когда и кого из молодых людей интересовал чужой, а тем более родительский опыт?

И вот они летели в далёкий Китай, чтобы, скорее всего, в очередной раз обжечь крылья самонадеянности и мнимой самодостаточности.

И это не пустые слова. Буквально накануне поездки случилась очередная ссора. И даже дошло до того, что Евдокимов готов был отказаться от всего (пропади пропадом посланный на оформление заявки аванс, проживание, слава Богу, оплатить ещё не успел, билеты на самолёт – тоже), и всё из-за пресловутой самоуверенности.

– Буду петь «Сказку»! – науськанная местным «кульковским» режиссёром, упрямо твердила дочь.

И тогда Евдокимов решил поставить её на место:

– Хорошо, пой, но без моего участия.

– Как?

– Да так. Я в Китай не лечу.

– Но почему?

– Извини, но я не нанимался оплачивать чужие амбиции.

И тогда Женя завелась всерьёз:

– Ах так! Тогда я возьму кредит и полечу одна!

– Да ради Бога!

В тот же вечер Евдокимов получил по «электронке» сумасшедшее послание, что-то вроде: «Я готова отказаться от всех благ мира ради вспыхнувшей в моём сердце надежды». И ещё: «Ты просто должен в меня верить, как верил до сих пор. Ты только верь и увидишь: я подыму Россию с колен!»

«Эка, – подумал, – куда их занесло (в одиночку она бы никогда до такого не додумалась). Да тут прямо дурдомом пахнет». И написал обстоятельный ответ, что, мол, подымать Россию с колен – удел «жириновских». «И потом, чем ты собираешься это сделать – уж не десятком ли недовведённых до ума ученических опусов?»

Два дня стояла гробовая тишина. Вселенная как будто замерла в тревожном ожидании вместе с томящейся от жары природой. Евдокимов даже облегчённо вздохнул – глядишь, и денежки останутся целыми, тем более что их постоянно не хватало, – как вдруг появляется укрощённая буря, на себя непохожая, отводящая в сторону глаза.

– Па-а, ну прости-и, а-а...

Сколько раз приходилось ему слышать это из детских уст прежде! «Ладно, иди поцелуемся», – отвечал он в былые времена, и полные неизбывной вины детские глазки тут же сияли счастьем.

Но теперь он не знал, что на это сказать. Во всяком случае, нужны были какие-то гарантии. И, прекрасно понимая это, дочь на его молчание разродилась очередным предложением:

– Ну можно же встретиться и всё вместе обсудить.

– Что именно?

– Чего петь.

– Я уже сказал своё слово. Никакой зауми китайцам не надо, только – лирика и здоровый оптимизм, вроде есенинского «Коня».

На сей раз Женя промолчала. Евдокимов принял это за согласие и буквально за два дня до последнего срока перечислил деньги за проживание и купил билеты до Пекина и обратно.

И это была уже не первая ссора, как и не первое участие в конкурсе.

* * *

А всё началось год назад, когда, можно сказать, от одной безысходности Евдокимов занялся неблагодарным шоу-бизнесом, а точнее, продвижением дочери на эстраду. Всё сошлось к одному: гибель Ани и, как вспышка молнии в беспросветной тьме, сочинитель-

ский талант Жени. Натерпевшаяся за свою недолгую супружескую жизнь дочь шла напролом, и, казалось, не было силы, которая могла бы её остановить. Евдокимов поначалу даже испугался, попытался отговорить, пока не понял, что не отговаривать, а помогать надо, и с не меньшим, чем у дочери, рвением занялся возобновлением былых связей. Не так уж и много их на поверку оказалось, можно сказать, почти ничего. Так что вся надежда была на талант, который надо было ещё развивать, а время для этого казалось упущенным. У дочери было только музыкальное училище по классу фортепьяно. И это бы ничего, да имелась более существенная причина, препятствовавшая обучению, – четырёхлетняя дочь, а это означало, лишь заочная форма оставалась единственно приемлемой. И надо было такому случиться, именно в тот год в их консерватории упразднили заочный факультет по классу композиции. Попробовали они было сунуться в законченный Евдокимовым Московский государственный институт культуры (а попросту «кулёк»), но там всё упёрлось в проживание, и тогда, подумав, он посоветовал Жене поступить в «кулёк» местный и частным порядком брать уроки вокала у хорошего педагога. Постепенно вышли и на приличного аранжировщика – песни буквально тут же расцвели. Теперь не стыдно было показаться с ними на любом конкурсе. И тут как раз кстати подвернулся первый, проходивший в одном из ночных клубов. Результаты еженедельно освещались одним из телевизионных каналов. Евдокимов посмотрел пару передач и посоветовал дочери съездить. И хотя конкурс подходил к концу, после прослушивания Женю сразу же ввели в финал и два раза показали по телевизору.

Так впервые после длительного перерыва Евдокимов опять оказался лицом к лицу с эстрадой, а точнее на гала-концерте.

Это случилось в конце декабря прошлого года. Заваленные непрекращающимися снегопадами улицы стояли в тусклом свете задымлённых морозным туманом фонарей. Убирать сугробы не успевали. Помнится, долго не могли припарковаться. Наконец пробили колею в глубоком снегу. След в след выбрались на тротуар и направились к клубу.

Без всяких сомнений, Женино выступление было самым лучшим. Да ещё так получилось, что гала-концерт совпал с её днём рождения. Узнав об этом, хозяйева заведения организовали презент. В самом конце арт-директор неожиданно объявил в микрофон, что среди участниц гала-концерта находится именинница, и назвал Женю по имени. Послышались аплодисменты, затем потушили свет, и через весь тёмный зал официант пронёс на подносе торт с зажженными свечами. Женя задувала их в полной тишине. И, когда погасла последняя, зал вновь оживили аплодисменты. Затем арт-директор объявил:

– А ещё в подарок имениннице будет исполнена песня.

Когда стоявшие во время концерта на подпевке девчата запели, Евдокимов невольно обратил внимание на руки одной из них, но только ночью понял, что именно напомнили они ему. Такое же чувство острой жалости и нежности вызвали в нём сбитые от стирки в корыте руки Ани, когда после рождения дочери они целое лето жили на даче его родителей.

И с этой минуты началось...

* * *

Второй раз – в Санкт-Петербурге. Конкурс оказался весьма солидным. Со всех концов страны слетелись на него молодые дарования, выпестованные в стенах музыкальных училищ. Всех разместили в знаменитой Пулковской гостинице.

Женя заняла второе место среди ста пятидесяти претендентов в эстрадном вокале.

Попробовала она себя тогда и в народном, а всё потому, что, перепутав фолк-рок с народным вокалом, записалась именно на него (отсылкой документов на конкурс занималась она). Когда по прибытии в северную столицу Евдокимов узнал об этом, тут же переписал заявку, объяснив дочери, что ничего общего с народным вокалом её опусы не имеют. Поскольку нет

пророка в своём отечестве, дочь упрямо твердила, что «имеют», и, чтобы в очередной раз доказать упрямыце свою компетентность, Евдокимов согласился на участие в том числе и в этом конкурсе, который проводился вместе с академическим вокалом в стенах солидного музыкального заведения.

Прослушивание проходило в пустом зале. Как и полагается, пели без микрофонов. И это первое, что округлило Женины глаза. Акустика всё же имелась, но самая примитивная, обработки голоса никакой, а звукорежиссёр, как кинооператор, находился где-то под потолком за стеной зала. Заметив, что с дочери спала спесь, Евдокимов сказал:

– Ну? Что?

Женя упрямо отвернулась и обронила в ответ:

– Всё равно буду петь.

– Ну-ну...

И Евдокимов принялся устанавливать камеру. Он был единственный с камерой, и на это конкурсная комиссия сразу обратила внимание, объявив для солидности, что производится запись выступлений и желающие их получить могут обратиться к организаторам конкурса. Евдокимов не стал возражать, и к нему тут же подошли несколько человек с просьбой о получении записи. Евдокимов ответил, что съёмка никакого отношения к организации конкурса не имеет, но свою визитку дал, пообещав выслать записи почтой.

И тут...

Поначалу Евдокимов даже внимания не обратил на прошелестевших мимо в длинных декольтированных платьях двух барышень как бы из прошлого века. Тогда они ему показались старше своих лет: рослые, на старинный манер завитые, с роскошными плечами, с крупными выразительными чертами лица. Пройдя мимо, они о чём-то разговорились с Женей. Что «барышни» близняшки, Евдокимов тоже заметил не сразу, а когда понял, из чистого любопытства стал к ним присматриваться. После их выступления смотрели народный вокал. А под конец выпустили Женю. И, хотя она прекрасно понимала, что не туда попала, однако не упустила случая себя показать.

На мастер-класс Евдокимов пошёл только потому, что до подачи автобуса была уйма времени, и когда проводивший разбор выступлений педагог сказал, что их всё-таки ближе к эстраде, разумеется, согласился.

По прибытии в гостиницу, перед ужином, близнецы сами подошли к ним, и только тут Евдокимов понял, что они совсем ещё молоденькие, лет по семнадцать-восемнадцать, не больше. Разговорились. По фрикативному «г» сразу стало понятно, что они южанки, и когда Евдокимов спросил, откуда будут, они ответили, что из Ростова-на-Дону.

– Донские казачки?

Сёстры улыбнулись, и Евдокимов сразу отметил открытость в широкой улыбке первой и затаённую грусть в сдержанной улыбке второй. Невольно залюбовался последней. Казалось, без всякой задней мысли.

И пока стояли в ожидании лифта, а затем поднимались на свой этаж, шли по коридору, разговор шёл то о прошедших выступлениях, то о дальнейших планах – куда-то по окончании училища сестрицы собирались поступать.

Слушая всё это краем уха, Евдокимов был совершенно спокоен, но стоило разойтись по номерам, как он почувствовал сначала приступ скуки, затем желание чем-нибудь развлечься и уже хотел включить телевизор, когда Женя предложила отметить выступление.

Они оделись и вышли на улицу. Холодный ветер пронизывал насквозь. И хотя снега было немного, ничего не напоминало о весне. Да и какая весна в начале марта? С утра шёл мокрый снег, потом ветер гонял по безликому небу рваные облака, изредка выглядывало холодное солнце, а затем опять всё тонуло в сером тумане. Вечером обещали вывесить списки победителей, а на другой день, после экскурсии по городу, раздать награды и провести гала-концерт.

Когда, отмотав пару километров в поисках магазина, вернулись в гостиницу, списка победителей ещё не было. Поднявшись на лифте, направились было к себе, когда увидели выходящих из своего номера казачек. Женя сообщила им, что списков ещё нет, и пригласила в гости. Сёстры переглянулись, улыбнулись и сказали, что придут. И как только они это сказали, Евдокимов почувствовал приятное, как перед началом концерта, волнение, а затем в голову полезла всякая чушь. Попробовал себя усовестить – бесполезно.

Меж тем всё было готово к приходу гостей. Плотны задёрнуты шторы. Потушен свет, включена настольная лампа. На журнальном столике у окна стояли бутылка сухого вина, пластиковые стаканы, лежали мандарины, шоколад.

Когда постучали в дверь, у Евдокимова ёкнуло сердце. Но это оказались соседи, пришедшие попросить запись выступления с сегодняшнего концерта. Евдокимов пообещал выслать.

Прошло ещё минут десять. Женя предложила начать. Евдокимов разлил. Они молча прикоснулись пластиковыми стаканами. И в эту минуту постучали снова.

Кровь бросилась Евдокимову в голову. Но это были очередные просители.

Ещё через полчаса стало ясно, что казачек не будет, и к их маленькому банкету Евдокимов потерял интерес. И, когда Женя предложила пошататься по гостинице, он охотно согласился.

Отель был огромным, обычно в нём останавливались иностранцы, которых и на этот раз оказалось немало. В основном – финны и немцы. Они сидели в баре, курили и тянули из высоких стеклянных бокалов янтарное пиво. А вот в ресторане, с настоящей живой музыкой, кого только не оказалось. Когда проходили мимо музыкантов в поисках свободного места, один, как выяснилось потом, Евдокимова узнал. Особенно как-то посмотрел и что-то сказал стоявшему рядом гитаристу. Евдокимов сделал вид, что не заметил. И тут их окликнули казачки. Они сидели в нише, у окна, и ели мороженое. Евдокимовы к ним присоединились.

Женя сказала:

– А мы ждали-ждали да так почти половину бутылки и выпили.

Сёстры виновато переглянулись.

Евдокимов взял меню. И, когда подошла официантка, спросил:

– Ну а теперь-то, надеюсь, не откажетесь с нами выпить?

– Нет, что вы, мы не пьём, – в один голос возразили казачки.

– Тогда и мы не пьём, – подытожил Евдокимов и заказал дочери коктейль, а себе кофе.

Когда заиграла музыка, Евдокимов сказал:

– Это хорошо, что не пьёте. Надеюсь, не курите тоже. Что поёте, мы уже знаем. А вот танцуете ли? Кстати, как вас зовут? Мы до сих пор так и не познакомились.

Весёлая, прямо как в «Евгении Онегине», оказалась Олей, грустная – Таней.

– Танюш, а пойдёте танцевать?

И она, мило покраснев и переглянувшись с сестрой, тут же поднялась.

И что его дёрнуло пригласить её на танец? Не иначе – вино. Будь он трезвым, вряд ли бы пригласил. И сразу нахлынуло столько, казалось бы, навсегда похороненных переживаний. Было такое впечатление, словно он впервые ведёт даму на танец. Сто лет он ни с кем не танцевал и думал, уже никогда не будет, и надо было такому приключиться!

Ему приходилось видеть, когда между гастрольями играл на свадьбах в кафе и ресторанах, как танцуют надоевшие друг другу супруги, случалось наблюдать, как танцует только что познакомившаяся пара, но никогда ещё не видел такой застенчивости на лице на столько лет моложе его девушки, да ещё такой красивой донской казачки. Ничего подобного он не испытывал тысячу лет и совершенно не чувствовал своего возраста, а ему буквально месяц назад стукнуло сорок девять. Голова его плыла, уши заложило, он был полон самых невозможных желаний и не мог произнести ни слова. Да и о чём говорить? Теперь он со стыдом вспоминал,

как во время танца ему ужасно хотелось поцеловать Таню руку, и не сделал этого лишь благодаря невероятному усилию над собой. Ещё неизвестно, как бы она к этому отнеслась.

Когда закончился танец и под инквизиторским взглядом дочери они вернулись на место, к Евдокимову подошёл узнавший его музыкант.

– Прошу прощения, – сказал он, – вы случайно не Анатолий Евдокимов?

– Он самый.

– Не желаете чего-нибудь исполнить?

– Почему бы и нет?

И, когда поднялся, уловил удивлённый Танин взгляд. Таким знакомым и так много сказавшим показался ему он.

Маэстро объявил в микрофон, что у них в гостях «тот самый Анатолий Евдокимов, который» и так далее... За некоторыми столиками в сторону эстрады с недоумением обернулись. Но когда Евдокимов запел один из своих хитов, слышались сначала робкие, а затем дружные аплодисменты. Затем он исполнил ещё один хит и, поблагодарив музыкантов, вернулся за столик. Сразу же осадили пьяные поклонницы с просьбами расписаться на пачках сигарет, в развёрнутых записных книжках. Разумеется, ему было приятно, и только для виду Евдокимов хмурился. – Теперь и посидеть не дадут, – сказал он. – Может, всё-таки поднимемся в номер?

На этот раз сёстры согласились без колебаний.

Евдокимов оплатил заказ, и они подались на выход. И как-то само собой получилось, Женя с Олей пошли впереди, Евдокимов с Таней – следом.

– Хорошо поёте! – царапнула взглядом Таня.

– Вы – тоже. Кстати, не заглянуть ли – может, вывесили списки?

– А и правда, пойдёмте?

И они потащились длинным коридором, который опоясывал гостиницу кольцом и даже выходил на улицу, соединяя прерванные здания остеклённым проходом.

Списков не было, и свет в ординаторской ещё горел.

Женя изобразила на лице крайнее удивление:

– Неужели до сих пор заседают?

– Что ты хочешь – столько народу выступало!

Они направились к лифту.

В номере казачки расположились по обе стороны журнального столика в креслах, Евдокимовы – на кровати напротив. Евдокимов разлил вино, поднял свой стакан, сказал:

– За надежду!

– Которая умирает последней! – подхватила дочь.

– Или не умирает никогда.

– И такое бывает?

– И не такое бывает.

– С ума сойти!

– Же-эня...

Все сделали по глотку, не опуская стаканы, потянулись кто к долькам мандаринов, а кто к шоколаду.

Разговор зашёл о концертной деятельности Евдокимова, и он стал рассказывать, как пробивался на эстраду. Не только казачки, но и Женя слушали с интересом. Особенно забавной показалась история с первым выступлением.

– Когда открыли занавес и я увидел такое огромное количество устремлённых на сцену глаз, у меня совершенно вылетело из головы, что будем петь. Ударник отсчитывает палочками счёт, а я лихорадочно соображаю, какая же это песня.

Женя спросила:

– И что?

- Не уронил честь мундира. Пару куплетов, правда, от волнения проглотил.
- Пару куплетов?
- Пару слов, разумеется.

Когда кончилось вино, всех опять потянуло смотреть списки.

Но их так и не вывесили, и жюри ещё заседало.

- Вообще-э! – возмущенно протянула Женя.

И, не сговариваясь, они побрели по длинному коридору в сторону бара. Там ещё сидел народ, хотя час был уже поздний. Евдокимов предложил сухого вина, но сёстры на этот раз отказались.

- Тогда и мы не будем.

- Ну почему, выпейте, – сказала Таня и посмотрела ему в глаза.

Евдокимов возразил:

- Что-то не хочется без вас.

И тогда Женя, которую всё это уже стало раздражать, не терпящим возражения тоном заявила:

- Тогда бай-бай! Тем более что завтра на экскурсию вставать рано.

Кто бы знал, как не хотелось Евдокимову расставаться. На прощание они ещё раз обменялись с Таней выразительными взглядами. Евдокимов даже подосадовал на дочь, но делать было нечего и, войдя в номер, тут же ушёл в душ.

Глянув на себя в зеркало, с возмущением спросил:

«Ну, и чего тебе надо?»

А в голове продолжала развиваться картина неосуществившегося романа. Даже после контрастного душа успокоился не скоро. Мучился глупостями и от глупости.

Казачки на экскурсию не поднялись. И Евдокимов сначала пожалел об этом, но потом, трезво рассудив, решил, что это к лучшему.

Списки наконец вывесили. И, как уже было сказано, они с дочерью обнаружили себя в числе победителей. Стало быть, к 16–00 надо было вернуться на гала-концерт. Толпившийся возле стенда народ комментировал результаты.

В отличие от Москвы, старый Питер во многом сохранил свой исторический облик. Как и полагается северной столице, то светило солнце, а то валил мокрый снег. В плотном транспортном потоке их «Турист» не спеша пробирался по узким улочкам, вдоль каналов, иногда пересекая их по горбатым с красивыми чугунными перилами мостам. Останавливались у набережной Невы, у Сфинкса. Река ещё стояла во льдах. Побывали у Зимнего дворца, Медного всадника, Петропавловского собора. Обогнули Исаакий, проехали недалеко от Александрово-Невской лавры и последнюю парковку сделали у Николо-Богоявленского собора. Площадь перед собором была в снегу и вся усыпана резвящейся детворой. А вообще, остановок было немного. И не только мокрый снег и холодный ветер были тому причиной, но и запруженность узких питерских улиц. Многие фасады нуждались в косметическом ремонте.

Когда вернулись в гостиницу, было уже далеко за полдень. Казалось, за поездку Евдокимов совсем остыл, как вдруг у лифта нос к носу столкнулись с казачками. Они глянули с Таней друг другу в глаза, и всё в нём тотчас же возмутилось.

Спросив, почему не были на экскурсии, и выслушав ответ, Женя сказала:

- А у нас столько впечатлений! Вы вниз? Видели списки?

- Да.

- И что?

- Ничего. А у вас?

Женя ответила и спросила:

- Когда домой?

- После гала-концерта. А вы?

– Завтра.

– Значит, ещё увидимся?

Пока шёл этот разговор, Евдокимов несколько раз обменялся с Таней взглядом. Даже подумал, не взять ли адрес электронной почты, мол, выступление послать, и так, мало ли что, но всё-таки пересилил себя, вот если сами предложат. Но сёстры и не подумали, и Женя ни словом не обмолвилась о продолжении отношений.

После получения наград и гала-концерта ещё минут пять постояли с казачками в коридоре и, пожелав друг другу счастливого пути и дальнейших успехов, расстались.

Домой тоже ехали на «Сапсане». И даже не верилось, что появились такие скоростные поезда. Прежде дорога до Питера на фирменном поезде отнимала вечер и ночь, а тут всего семь часов пути.

Плавно покачиваясь, поезд мчался со скоростью винтового самолёта. За широким окном, пока не стемнело, проплывали ещё заснеженные, но уже с весенними проталинами поля и леса.

За дорогу Евдокимов не сразу, но всё-таки успокоился.

Но этим не кончилось.

И в очередной раз случилось на юбилее школы, в начале мая.

* * *

Народу прибыло много, а вот из их класса – всего лишь один Калиничев. Они пожали друг другу руки, разделись, записались и поднялись в спортивный зал.

Началось с замечания Калиничева:

– Нет, всё-таки красивые у нас бабы!

– Не понял.

– Ездили тут наши мужики в Муром, говорят, не на кого посмотреть, а у нас, на какую ни глянь, все красавицы!

– Так уж и все?

– А ты сам посмотри.

И тогда из чистого любопытства Евдокимов стал поглядывать по сторонам, и, разумеется, ничего особенного не замечал, и, может быть, вскоре перестал, кабы случайно не задержал внимание на одном лице. А сидела неподалёку, в профиль, лет двадцати пяти, девушка. И впрямь, подумал Евдокимов, красавица. Невольно залюбовался. И так получилось, почувствовав его взгляд, девушка сама повернула голову. Буквально на мгновение их взгляды встретились, но и этого оказалось достаточно. Девушка тут же опустила глаза, Евдокимов – тоже, мельком глянул на Калиничева, тот ничего не заметил, и, однако же, в одно мгновение Евдокимов выпал из общего интереса. Всё его внимание, даже если не смотрел, сосредоточилось на ней. Он попытался себя усовестить («в чём, собственно, дело, дорогой товарищ, вы чего это опять?»), а сам продолжал исподтишка наблюдать. И как бывало когда-то в этой самой школе, девушка это заметила. Разумеется, поворачиваясь в очередной раз в его сторону, ни на кого конкретно она не смотрела, и так же было понятно, что время от времени поворачивала она голову совершенно невольно, движимая непреодолимым любопытством. Скользнёт мимо его глаз, задержит на пару секунд внимание в пространстве – а Евдокимова словно жаром обдаст. И так продолжалось до конца торжественной части.

После вручения подарков все разом поднялись и стали расходиться. И тут Евдокимов потерял её из виду.

В спортзале меж тем запустили танцы, и на них осталась одна молодёжь. Они с Калиничевым решили отметить встречу и спустились в столовую, в которой организовали что-то вроде буфета с закусками и вином.

– Чего будем?

Калиничев сказал:

– Я – сухое.

И они взяли по двести грамм сухого вина.

Чокнулись, пригубили.

И тут заглянули «они». «Они» – потому, что на торжественной части она сидела с подружкой. Контраст удивительный. Такое впечатление, что одну изваял художник, другую вытесал топором пьяный мужик. У первой зубки были ровненькими, у второй – какие-то ржавые осколки. Первая почти не улыбалась, вторая постоянно скалила гнилые зубы.

Очевидно, спустившись сверху, оттуда, где гремела музыка, проходя мимо, они решили заглянуть – нет ли кого знакомых? – и так получилось, взгляды их сразу встретились, замерли, и в следующее мгновение закрылась дверь. Из-за дальности расстояния можно было подумать, вовсе не на Евдокимова она посмотрела, но что-то определённо говорило его сердцу, что посмотрела она именно на него. И ему уже не сиделось. И всё-таки он выдержал до той минуты, пока буфетчица не попросила всех освободить помещение.

Чего Евдокимов не ожидал, так это увидеть подружек на кушетке напротив раздевалки, к которой они с Калиничевым подошли. И тут они уже не просто встретились, а вперились друг другу в глаза. Она смотрела в каком-то ужасе, очевидно, понимая, что так нельзя, и в то же время не находя в себе силы оторваться от его взгляда, а он – от её.

Однако Калиничев всё это вовремя прекратил:

– Ну что, пошли?

И они направились к выходу.

На улице стояли ещё.

Во время ничего не значащего разговора Евдокимова всё подмывало вернуться в школу. Вот так вот просто войти и спросить: девочки, вы откуда будете, в смысле, из какого из четырёх посёлков, дети которых учились в их школе?

Но Калиничев и это прекратил:

– Ну что, по домам?

И Евдокимов его проводил. Благо, по пути было. На прощание пожали друг другу руки, дали совершенно необязательное обещание друг друга не забывать.

Калиничев спросил напоследок:

– Домой или к родителям?

– К родителям, – ответил Евдокимов, а сам повернул к школе.

Подойти в присутствии такого количества знающего его народа Евдокимов ни за что бы не решился, но притаиться где-нибудь в темноте, чтобы, если повезёт, навязаться в провожающие, был почти готов. Почти – потому что в нём, как и в Питере, шла борьба:

«Да, но что я ей скажу?»

... И вот они уже идут рядом – понятливая подружка тут же удалилась. Она смотрит перед собой, вся в напряжённом ожидании, что будет дальше. И это ожидание чего-то безумно влекущего и в нём. Он берёт её за руку. Она поворачивает голову. В её глазах покорность и страх...

И тогда усилием воли Евдокимов обрывает воображение:

«Нет, так дальше нельзя!»

А сам подходит к школе и располагается в темноте.

Народ потихоньку расходится. Очевидно, вот-вот свернут и дискотеку, хотя музыка ещё слышна.

«Интересно, тут они или уже ушли? Похоже, дискотека их совсем не интересует. А иначе зачем бы спускаться вниз и сидеть в одежде у раздевалки?»

И Евдокимов то порывается войти, а то останавливает себя тем рассуждением, что для этого у него теперь нет веских оснований.

Ему стыдно до невозможности, и в то же время он не находит в себе силы всё это прекратить.

«Ну стою и стою, мало ли кто и зачем тут стоит!» – пытается он обмануть себя, а стыд нестерпимо жжёт сердце.

Это продолжается до тех пор, пока Евдокимов не поднимает против себя бунт.

Но за всё время пути к станции захватывающая картина знакомства назойливо преследует сердце обманчивой жалостью по чему-то так и неосуществившемуся.

Глава вторая

На подъезде к Шереметьеву таксист осведомился, какой терминал, и через пять минут подкатил к остеклённому фасаду аэровокзала.

Такого размаха Евдокимов не ожидал.

На входе багаж пропустили через специальное устройство, сами прошли через магнитную рамку. Сразу пришло на память Домодедово. И всё-таки трудно было представить, что всё это великолепие в считанные секунды могло превратиться в руины, а мирно сидящие и гуляющие в ожидании рейса взрослые и дети в убитых и раненых.

На противоположной от входа стене висело большое табло с номерами рейсов, маршрутами и временем вылета. Внимание Евдокимова сразу же привлекло интенсивное перемещение списка. Неужели такая загруженность? Где-то в самом низу он отыскал номер своего рейса.

Когда расположились за столиком небольшого кафе, Евдокимов сказал:

– Надо бы юаней купить. Вдруг никто не встретит, а нам даже до места не на что будет добраться. Ты хотя бы спросила название отеля?

– Да они сами пока не знают. Завтра утром их поезд из Владивостока в Пекин прибывает, а нас должна встретить какая-то Ирина.

– А если не встретит?

– Должна.

– А если?.. И как нарочно, ни по-китайски, ни по-английски ни ты, ни я – ни слова.

– Ну почему? Я знаю несколько английских.

– Да-а? Ну-ка, ну-ка?..

– Сори. Плиз. Сеньк ю. Ай лав ю. И это ещё, как его... сейчас вспомню...

– Не трудись, и этого вполне достаточно, чтобы свободно передвигаться и даже комфортно чувствовать себя в чужой стране. Держи «керенки», на две тысячи юаней, думаю, хватит. Ступай. Там, кажется, обменный пункт.

Когда в руках Евдокимова оказалось два десятка юаней сотенного достоинства, почему-то пришли на память советские рубли с «Ильичом», только в отличие от отечественного китайский был изображён, как на американских долларах. Обыкновенное, подумал Евдокимов, как, впрочем, и у отечественного, лицо самого обыкновенного человека, а каких почестей при жизни и особенно после смерти оба удостоились! И хотя первого с денег убрали («Уберите Ленина с денег», с праведной дрожью в голосе когда-то взывал Андрей Вознесенский), тела обоих до сих пор покоились в мавзолеях. «У них – понятно, у нас – для чего?» Когда-то Евдокимов неоднократно задавался этим вопросом, натываясь на самые невероятные версии, типа «не принимает земля», «никто не станет отпевать», даже набрёл на соображение, что «идола может вынести только идол, а его ещё не родила мнимая дева». Потом стали доходить слухи, что родила, и даже голливудский фильм на эту тему показали. Но фильм – ладно (чего только не покажут америкосы?), с горящими глазами заговорщиков передавали из уст в уста, что «ему» уже двадцать, двадцать пять и даже вот-вот стукнет тридцать. Короче, песня ещё та, поскольку уже в прошлом веке не то в США, не то в Англии, не то в Италии, под боком Понтифика, рождался и тайно воспитывался этот «последний друг человечества».

О перемене отношения к «живому всех живых» и говорить нечего.

А ведь когда-то!..

Кто-кто, а Евдокимов хорошо помнил, с каким задором чуть ли не каждый день по радио пели: «День за днем идут года – / Зори новых поколений, / Но никто и никогда / Не забудет имя Ленин. / Ленин всегда живой, / Ленин всегда с тобой – / В горе, в надежде и радости. / Ленин в твоей весне, / В каждом счастливом дне, / Ленин в тебе и во мне!»

И – ничегошеньки!

Что относительно Мао, продолжал развивать свою мысль далее Евдокимов, тому в этом отношении больше повезло, как, впрочем, и последнему китайскому императору. И если отечественного вместе с семьей при том же Ильиче безжалостно расстреляли, а останки уничтожили, Мао своему жизнь сохранил. После девятилетнего заключения бывший узурпатор трудился простым садовником, а его брат – бухгалтером. И тем не менее отношение к Ленину в Китае уважительное. И не только как к вдохновителю, но и за НЭП, которую у нас свернули, а у них, начиная с Дэн Сяопина, интенсивно развивают. И хотя прекрасно понимают, что Мао такого курса никогда бы не поддержал, считают, что именно дух «Великого кормчего» покровительствует их таким же великим делам.

Да что там! Даже несмотря на то что «культурная революция» отбросила страну в эпоху феодализма и унесла десятки миллионов жизней, нет у них споров – гений Мао или злодей. Они к этому вопросу подходят прагматично, не убиваются, например, по поводу «слезинки замученного ребёнка», а берут и считают: столько процентов пользы, столько – вреда. И это не к одному Мао относится, но и к большинству китайских императоров. В отличие от нас, в очередной раз вздыхал Евдокимов, они свою историю грязью не заливают. Сто тридцать миллионов пионеров у них по-прежнему поют о «красном солнце наших сердец», и практически каждый студент, достав айфон, процитирует вам из Мао: «Шаг за шагом идём мы к великой цели». А подавляющее большинство китайцев рассуждает примерно так: император или Мао, плохие они или хорошие, но это наша история, и если мы начнём её вытаптывать, государство будет ввергнуто в пучину смут и несчастий.

Более того! Во многих храмах портреты и статуи Мао находятся рядом со статуями Будды. Перед обоими возлагают приношения, возжигают благовония.

А как начиналось?

После победы китайской революции Мао часами высиживал в приёмной Сталина. Последний считал Мао крестьянским вождём, поскольку восстание в Китае подняли крестьяне. Они и теперь время от времени бунтуют, большинство из них по-прежнему живёт в условиях средневековья, обрабатывая землю мотыгами, без пенсионного обеспечения, и только совсем недавно им разрешили уезжать в города.

И всё-таки Мао считал себя выше Сталина. С китайской точки зрения он был достаточно образован, а вот «Капитал» Маркса, как признался однажды Молотову, не читал и, судя по всему, читать не собирался, поскольку считал его ниже конфуцианства, которое знал назубок и полагал куда полезнее очередной западной утопии. Не пренебрегал он и традициями китайских императоров, считавших, что для достижения бессмертия необходимо вступить в связь с тысячью девственниц. Для этой цели отбирали девиц из артистических бригад. Однако от товарищей по партии Мао требовал иных отношений. Супружеские пары намеренно разлучали, направляя на работу в разные концы страны («дан приказ ему на запад, ей – в другую сторону»). Им позволялось бывать вместе не более двенадцати дней в году.

После разрыва с СССР Мао заявил, что Советский Союз не следует делу Ленина-Сталина, и объявил «Большой скачок»: догнать и перегнать, в том числе и США. Но буквально за два года голод уносит сорок миллионов жизней. Однако Мао всю вину сваливает на бюрократов. Он надевает военную форму. На его левой руке алая повязка с тремя иероглифами: хун-вэй-бин (красный страж революции). По мановению ока такие же повязки появляются у миллионов подростков, которые становятся пушечным мясом «культурной революции».

«Уничтожим монстров – ревизионистов хрущёвского толка! Заставим весь мир следовать идеям Кормчего. Будем бить врагов, как перебегающих дорогу крыс».

После того как хунвэйбины выполнили роль чистильщиков, их уничтожила армия.

Мао долгое время был уверен в её преданности, пока министр обороны, главный идеолог культа личности «Великого кормчего», второй человек в государстве, Линь Бяо, бывший наркоман и коротышка с плешивой головой, чем-то напоминающий наркома НКВД Ежова, не

возглавил при помощи сына группу, которая планировала заложить бомбу под личный поезд вождя или железнодорожный мост. Однако заговор был раскрыт. Линь Бяо попытался бежать с семьёй в СССР, но его самолёт потерпел крушение (по другой версии, был сбит ракетой) на территории Монголии. Это дало Мао повод заявить, что Советский Союз – даже большая угроза, чем США, что война с Советским Союзом неизбежна, что СССР сам намеревается напасть на Китай. К началу семидесятых экономика Китая, как теперь выражаются, достигла дна. И тогда Мао решился пойти на контакт с Америкой, но визит Никсона ограничился одними рукопожатиями.

За четыре года до смерти Мао сошёлся с проводницей своего поезда, которая была моложе его на 50 лет и допускала к нему лишь того, кого считала нужным.

9 сентября 1976 года «Кормчий» отошел в мир иной, оставив после себя руины. И тем не менее почти каждый китаец с гордостью скажет, что из колониальной аграрной страны, тысячелетия управляемой императорами, Мао сделал Китай ядерной державой, а девяносто три процента населения – грамотными.

«И если случится вам быть в Китае, – прочитал где-то Евдокимов, – и произнести: «Мао чжу-си Вань-суй», что означает «Да здравствует председатель Мао», вы тут же почувствуете к себе расположение, но стоит вам выразить сомнение по поводу его «великих дел», и доверия вам уже никогда не вернуть».

И всё-таки справедливости ради надо заметить, оговаривался Евдокимов, далеко не во всех слоях населения отношение к Мао однозначное. В том числе и на самых верхах, о чем свидетельствует история с одним из «наследных принцев» Бо Силаем. В отличие от партийной верхушки времён Союза, в Китае власть в партии в значительной степени унаследовали дети сподвижников Мао, хотя немало среди них и комсомольских выдвиженцев. К «наследным принцам» относился и секретарь горкома Чунцина Бо Силай, которого, как ни странно, обвинили за отход от маоизма несмотря на то, что именно маоистски окрашенные дела Бо, сопровождаемые массовым пением «революционных песен», спровоцировали волну ностальгии по «справедливому прошлому», как во времена ельцинского бардака да и теперь относительно социалки советского периода в России. Однако партийному руководству такая деятельность показалась опасной. Вопреки существующему курсу предпочтения инвестиций и экспорта уровню жизни народа, деятельность Бо Силая была направлена на решение социальных проблем и смягчение конфликта между городом и деревней. Казалось бы, что в этом плохого, сотни миллионов китайцев готовы были носить за это Бо на руках? Но именно это «ношение на руках» и показалось руководству страны опасным. Формально Бо арестовали по обвинению в коррупции. В поддержку его прошли массовые демонстрации в Шанхае, Чунцине, Цзинане, других городах. Фигура Бо как радетеля о маленьком человеке сделалась популярной.

И одни считали, от того это, что китайская революция ещё не завершена, другие – что в стране с низов нарастает протест против катастрофического разделения на бедных и богатых и ностальгия по социальной справедливости времен Мао, третьи – что при Ху Цзиньтао, предыдущем генсеке, был утрачен контроль над региональными руководителями.

И то, и другое, и третье, по мнению Евдокимова, имело место в жизни Китая, однако существует ещё одна, куда менее известная и популярная точка зрения.

«Если вы не перемените направление движения, то окажетесь там, куда вас гонят», – утверждает Конфуций. Иначе чем бессмысленнее революция разрушения, тем скорее настанет время мирного созидания. Мао хорошо знал Конфуция и, вполне возможно, сознательно довёл китайскую революцию до абсурда. Что всему миру представлялось безумием («Возле города Пекина / Ходят-бродят хунвэйбины... – пел в те времена Высоцкий. – Вот придумал им забаву / Ихний вождь товарищ Мао: / Не ходите, дети, в школу – / Приходите бить крамолу! / И не то чтоб эти детки / Были вовсе малолетки, – / Изрубили эти детки / Очень многих на котлетки!»), на самом деле было предпринято для того, чтобы как можно скорее завершить революцию

разрушения «до основанья, а затем» перейти к мирному созиданию. И в этом смысле Дэн Сяопин действительно является продолжателем дела Мао. В настоящее время Китай объединился, поднялся. Иначе говоря, Мао на практике показал китайцам, что такое революция, а точнее – марксизм, а ещё точнее – троцкизм или упомянутый выше ревизионизм хрущёвского толка.

Поскольку троцкизм обыкновенно противопоставляют сталинизму, у многих создаётся впечатление, что в первом было нечто позитивное. На деле это далеко не так. Когда с подачи Сталина крестьянам было разрешено вести приусадебное хозяйство, Троцкий с негодованием писал, что главное дело революции предано, что это отход от марксизма, что, мол, и так крестьяне – аристократия, а тут ещё им позволили иметь собственных коров и свиней. А теперь давайте вспомним, при ком произошло обобществление домашнего скота и ограничение приусадебных участков до шести соток, и подумаем, кто есть кто и что из себя представляет.

Что относительно Евдокимова, сам он был склонен к китайскому подходу к прошлому. У нас же, в очередной раз вздыхал он, до сих пор из чувства мести или партийной солидарности не желают видеть ничего положительного в прошлом или видят одно хорошее, и если бы это стало возможным, тут же потащили бы друг друга на виселицы. Этим и пользуются наши недруги, а народ по-прежнему бедствует и... безмолвствует.

* * *

Всё это опять же пришло Евдокимову в голову, когда в его руках оказались юани.

Он убрал их в один из застёгивающихся молнией карманов хлопкового жилета и вот о чём подумал:

«Какое отношение ко всему этому имеет китайский мультфильм?»

В отличие от мультипликации советского периода, окрашенной в розовые тона безоблачного детства, китайский мультфильм имел не только идеологическую, но и политическую подоплёку. И хотя многие считали его обращенным к России, Евдокимов такого взгляда не разделял.

Начинается мультфильм с вида северной китайской деревни.

Над одной из лежащей в сугробах ветхой лачужке невидимым фломастером изображается игрушечный дом и слышится голос девочки:

– Это мой дом. Нет, не эта ветхая избушка. Мой дом высокий-превысокий! – Меняется план, появляется строящая из кубиков дом пионерка. – На первом этаже живёт товарищ Владимир, – говорит она, устанавливая кубик с изображением кота, и тут же на экране появляется большой жирный кот. – Неугомонный Феликс и его друзья живут на втором. Третий этаж отведён Берии. А вот и он сам, – демонстрируется утка с синим кубиком в клюве. – Ну конечно, на самом веру живу я.

Домик из кубиков увенчивается красной крышей.

Меняется план, отсылающий к воображению ребёнка. На заднике плакат: «Строительство великих достижений». Девочка в военной форме, в пилотке с красной звездой, стоя за домиком, на фоне сцены, украшенной, как в дни партийных съездов, держит в руках развёрнутую красную книжечку и говорит: «Здравствуйте, товарищи».

Но в этот момент мимо проходит взрослая женщина, лица которой не видать, задевает краем юбки дом, он разваливается и возвращает пионерку к действительности. Слышится голос женщины: «Пора в школу».

Девочка говорит: «Это моя мама. Она учитель в нашей школе. – И, по-военному прикладывая руку к голове, произносит: – До свидания... товарищ... – И, когда слышится стук закрываемой двери, добавляет: – Мама говорит, что не всем нравится то, что мы делаем, но мы не можем отрицать величие наших дел. Наши солдаты – наши священные убеждения никогда не потускнеют».

Куклы увозят собранные кубики, и только красная крыша остаётся лежать на полу. К ней подкрадывается Берия и, крикнув, хватается клювом. Девочка пускается за уткой в погоню. Утка забирается на первую полку шкафа, девочка за нею следом, утка поднимается выше, а затем, незаметно юркнув вниз, прячет крышу домика в банке из-под цитрусового сока. Девочка настигает похитителя у банки со словами: «Попался!»

Снова меняется план. Все куклы выстроены в ряд. Слышатся слова девочки:

«Берия наказан за кражу кубиков, принадлежащих государству и всему народу. Это для всех послужит уроком. Мы должны быть верны нашим убеждениям. Феликс, это самый важный приказ для последней и решающей битвы. Ты должен всегда его помнить и быть начеку».

Пионерка вручает Феликсу написанный на маленькой книжечке приказ, который упаковывает в красный шарик, и говорит: «За победу!»

Но в это время мимо опять проходит мама, лица которой по-прежнему не видать.

«Мама, ты вернулась домой так рано?» – спрашивает удивлённая пионерка.

Вместо ответа слышится невнятно транслирующий телевизор. Видимо, что-то происходит, и рано вернувшаяся из школы мама смотрит новости. Девочка резюмирует: «Все наши почему-то какие-то грустные. И я гадаю, почему».

А вот уже и кот Владимир лежит на полу в ногах у девочки. Он умер. Девочка гладит его: «Старый мурлыка». Затем ставит красную печать на листе, к которому приклеена фотография Владимира. То же самое происходит с Феликсом. Далее видна коробка со старыми книгами на весах для приёма макулатуры.

Девочка сообщает:

«Мама сказала, что мы переезжаем из нашей избушки и поселимся в высоком-превысоком доме».

Игрушки собраны в коробки. Берия с остальными утками в железной клетке. Девочка говорит жалобно:

«Бе-ерия».

И вот уже они в лифте нового дома. Девочка спрашивает:

«Мама, американцы будут бомбить наш дом?»

Затем она вносит в новую квартиру свою коробку, открывает, но коробка оказывается почти пустой.

«А где мои кубики?»

Доносится голос мамы из другой комнаты:

«Посмотри, там для тебя новые игрушки на кровати. Новый дом – новые игрушки. – На кровати Микки Маус, кукла Барби. – Не хуже, чем у других. Тебя же засмеют с твоими старыми кубиками».

Девочка достаёт из коробки чудом уцелевший синий шарик и вспоминает, что в такой же, только красный, она совсем недавно вложила «самый важный приказ для последней и решающей битвы».

Далее на экране появляется телевизор с выключенным звуком, перечеркнутым в левом верхнем углу динамиком, в телевизоре Горбачёв.

Девочка говорит обиженно:

«Я всем скажу: мама предала нас. Они все предали нас».

И вот уже она идёт по улице, оставляя за собой следы в снегу. Её движение сопровождают слова Горбачёва:

«Ввиду создания независимых государств я прекращаю свою деятельность на посту президента СССР».

Раздаются взрывы снарядов, кадр озаряется вспышкой. Стоит танк. Стоят самолёты. Старые игрушки вместе с уткой Берией с оружием в руках пробегают мимо девочки и выстраива-

ются возле машины. Феликс протягивает девочке красный шарик с приказом. Девочка достаёт его, открывает. Во весь разворот написано прописью по-русски:

«Вперед, товарищи».

Начинается сражение, в результате которого государство восстанавливается под знаменем Ленина-Сталина.

* * *

Вот такой мультфильм китайцы недавно показали своим детям. О том, что он имеет отношение к России, говорят имена действующих лиц: Владимир, Феликс, Берия. И всё-таки идёт строительство китайского государства. На первом этаже – идеология, основанная на учении Владимира (Ленина). На втором – охранительные структуры, которые знаменуют Феликс (Дзержинский) и его «неугомонные», как во времена чекистских троек и всех последующих «чисток», друзья, на третьем – управленцы, к которым относится Берия. И все трудятся на благо народа, который изображает пионерка. Её мама – учитель в школе. Иначе идеологический проводник, о чём свидетельствуют её начальные слова о принципах, которыми они не могут поступиться. Далее показана кража Берией того, что принадлежит государству и всему народу. Банка из-под цитрусового сока изображает китайскую элиту. И некоторые считают, что это намёк на то, что какие-то важные документы Берия хранил не у себя дома, а в Китае.

Веря в торжество своих идей, девочка отдаёт на будущее Феликсу и его друзьям приказ для последней и решающей битвы. Но мимо опять проходит мама, рано вернувшаяся из школы, потому, видимо, что уроки отменили из-за происходящих в мире событий. И девочка не может понять, почему все стали такими грустными. А вот уже и перемены. Умирает Владимир, старый мурлыка (прежняя идеология, служившая фундаментом для государства). Мама с девочкой переезжают в новый дом. Из уст девочки звучат слова об американской угрозе. Но это, оказывается, не самое ужасное. Самое ужасное заключается в том, что старые игрушки (старая гвардия) выброшены на помойку (истории). Девочке предлагаются новые игрушки: Микки Маус, кукла Барби, намекающие на смену мировоззрения. Из всего этого погрустневшая пионерка делает вывод:

«Мама (представитель идеологического аппарата, член партии) нас предала. Они все (члены партии) предали нас».

Слова Горбачёва конкретизируют время фильма.

25 декабря 1991 года, после подписания Беловежских соглашений, Горбачёв сложил с себя полномочия президента СССР.

Это послужило поводом к вооружению старых игрушек (старой гвардии). Берия в общем строю. Воскресший Феликс (неужели Путин?) протягивает девочке пластиковый шарик с приказом, и верная «священным принципам» пионерка его отдаёт. В результате последнего и решающего сражения государство восстанавливается на прежних основаниях.

И вроде бы, думал Евдокимов, всё понятно, если к тому же вспомнить главный лозунг хунвэйбинов: «бить ревизионистов хрущёвского толка как перебегающих дорогу крыс», но какое отношение ко всему этому имеет архив Берии, и почему его, как уверяет один из толкователей фильма, так бояться в России, Европе, США и только не бояться в Китае?

* * *

А ещё вот что пришло Евдокимову по этому поводу в голову.

В детстве одними из самых любимых его мультфильмов были «Заколдованный мальчик» и «Снежная королева». Не менее завораживающее впечатление производило качество мультипликации, изящные, тёплые тона, неторопливость действия – каждую деталь, каждый эпизод

можно было внимательно рассмотреть. Никакой суеты и мельтешения, никакого искажения в изображении лиц, птиц, животных. И это относилось почти ко всем мультфильмам. Евдокимов мог смотреть их часами. Они создавали в его воображении сказочный мир торжества добра и справедливости.

А ещё ему пришло на память, как однажды они, семиклашки, узнав о технологии мультипликации, загорелись желанием создать свой фильм. И одни занялись рисованием, другие – озвучиванием ролей, а Евдокимов – сочинением музыки.

Их мультфильм был про то, как в очередное зимнее утро возле деревянного здания пожарки с красным ЗИСом их дожидалась запряжённая в сани лошадка и везла в школу. Лошадью правил дядя Тимоша, а выделял её – совхоз. Они полулежали или сидели, свесив ноги, так тесно, что на скатах кто-нибудь обязательно вываливался из саней и, вскочив, пускался вдогонку. Поскальзывался, падал, вставал и бежал опять. Это вызывало общее оживление. Дядя Тимоша на это внимания не обращал. Он был очень серьёзным. И так же серьёзно произносил в конце своё: «Тпр-ру-у!» Они кричали «спасибо» и, размахивая портфелями, бежали в школу.

После уроков, сидя в санях, в виде репетиции, пели.

Будучи отрядным запевалой, Евдокимов начинал:

*Я лучший ученик среди ребят,
Пятерки в мой дневник, как ласточки летят.
Теряю счёт, пятёрки круглый год.
И дома уважение, и в школе мне почёт!*

Хор на это возражал:

*Ха-ха, почёт, совсем наоборот!
Четыре двойки в таблице – хороший счёт!*

И когда встал вопрос о том, что будут петь герои их фильма, мнения разделились. Одни говорили, надо то, что на самом деле, другие – тогда будет не интересно, всё-таки это сказка и для неё нужна своя песня. Последнее мнение одержало верх, и тогда они все вместе сочинили слова. Теперь Евдокимов их уже не помнил, но что-то про дядю Тимошу, его малахай, лошадку и Деда Мороза. В задорном припеве были слова: «Ай да дедушка Мороз, у Тимоши красный нос!»

А вообще всё у них тогда было по-домашнему. В школе не особо напирали на лозунги. Шла обычная жизнь, и около неё практически не задевая сознания – лозунги. Во всяком случае, поколение Евдокимова, в отличие от поколения его старшей сестры, не было таким уж идеологизированным. Да и в сестре особенной идеологизации Евдокимов не замечал. Гораздо больше места в памяти о том времени занимали брюки-дудочки да «летка-енька», под которую тогда танцевали на летней танцплощадке их старшие братья и сёстры. О Павлике Морозове, о «судьбе барабанщика» до них дошли только чёрно-белые фильмы, говорящие о навсегда минувшей эпохе. Никакой связи с тем временем Евдокимов не чувствовал, окружающий мир казался светлым, а про барабанщика они пели только весёлые песни:

*Встань пораньше,
Встань пораньше,
Встань пораньше,
Только утро замаячит у ворот,
Ты увидишь, ты увидишь,
Как весёлый барабанщик*

В руки палочки кленовые берёт.

Это же замечание относилось и к радиопередачам, во время которых, усевшись на диване и поджав под себя ноги, Евдокимов выпадал из действительности. Передачи начинались словами: «Мой маленький друг, здравствуй, это я, сказочник...» Сказки читал Николай Литвинов, и они до сих пор отзывались в душе Евдокимова немой благодарностью.

Как ни крути, а его детство ничего общего с детством китайской пионерки не имело. Ему бы и в голову не пришло в такое играть. Во-первых, что он строил. Из конструктора собирал подъемный кран, железнодорожный переезд с поднимающимся шлагбаумом, из кубиков выкладывал пейзажи, животных, рыб. Во-вторых, о чём он мечтал. Разумеется, о далёких мирах («на пыльных тропинках далёких планет останутся наши следы»). И если воевал, то с одними фашистами. И в-третьих, он никогда не задумывался о государственном устройстве.

Наблюдая за жизнью взрослых, у него складывалось такое впечатление, что в телевизоре – одно, а дома и на улице – совершенно другое. Ни мать, ни отец, в отличие от телевизора и плакатов, никогда не говорили о «наших священных принципах, которыми мы не можем поступиться». Их «священными принципами» были уважительные отношения к соседям. Можно было свободно прийти к ним посмотреть телевизор, если сломался свой, или попросить соли, или трёшку до полочки. И соседи так же по-свойски обращались за чем-нибудь к ним. Все жили как одна большая семья. В юности, правда, дрались стенка на стенку с парнями из соседнего посёлка, но вовсе не из идеологических, а тем более националистических убеждений, как теперь, а оттого что силы девать было некуда и – от зелёной тоски. И то сказать, такая в выходные и праздничные дни наваливалась на тебя тоска! И это понятно: когда в распоряжении бездна свободного от работы или учёбы времени, которое не знаешь, на что убить, что может быть невыносимее?

Но если ты чем-нибудь увлечён или влюблён!..

Лично Евдокимова от всего этого спасла игра в вокально-инструментальном ансамбле, который был создан при местном клубе, и, разумеется, любовь...

Глава третья

Регистрацию начали за два с половиной часа. Кроме китайцев, в Пекин летела солидная группа соотечественников – человек пятьдесят: то ли туристов, то ли деловых людей, и это придавало уверенности, всё-таки не одни, свои, если что, в беде не оставят.

Евдокимов приготовил распечатку электронных билетов, но за стойкой на них даже не глянули, провели развёрнутыми паспортами по считывающему устройству и выдали талоны на посадку.

Далее шли секции пограничного контроля.

И вот они уже в зоне беспощинной торговли: хочешь, спиртное любых марок мира по дешёвке покупай, хочешь, золото или бриллианты, хочешь, парфюмерию – в общем, всё что хочешь и на что хочешь – рубли, доллары, евро. Рублей у них уже не было, а немного долларов в заначке имелось. Они купили коробку шоколадных конфет и по бутылке армянского коньяка и ирландского ликёра (Женя сказала «очень вкусный»), и главное, «чуть ли не в два раза дешевле, чем у нас»).

Оказавшись напротив стеклянной стены, открывшей вид на взлётное поле, Евдокимов понял, почему так быстро двигался список табло: несмотря на изморось, самолёты подымались и садились один за другим. Взлетающие мели за собой облака дождевой пыли.

Когда подали их аэробус, Евдокимов не поверил глазам. Это был внушительных размеров «Боинг», с длинными крыльями, под которыми висело всего по одной очень огромной турбине.

Посадка осуществлялась через рукав прямо из здания аэровокзала. Не надо было, как прежде, садиться в автобус и ехать к трапу самолёта. Таких рукавов было несколько и к ним по очереди подтаскивали лайнеры, соединяя рукава с посадочными дверями.

На входе в салон, на раскладном столике, лежала стопа китайских газет, что-то вроде советской «Правды», и каждый китаец обязательно по одной брал.

Чудо техники поразило и внутри: девять сидений в ряду, пять посередине и по два у иллюминаторов. Евдокимов прикинул примерное количество рядов, умножил и получил приличное количество пассажиров. Места Евдокимовых оказались у иллюминатора, напротив крыла.

Самолёт взяли на буксир и оттащили от здания аэровокзала. Далее предстоял самостоятельный выход на взлётную полосу.

Минут пять выруливали и наконец застыли у стартовой черты.

Когда запустили турбины, Евдокимов подумал, что оглохнет, и почему-то вспомнил, как четверть века назад Юрий Васильевич Бондарев с трибуны Всесоюзной партийной конференции задал вопрос, на который у Евдокимова до сих пор не было ответа.

«Можно ли, – спросил фронтовик, защитник Сталинграда, большой русский писатель, – сравнить нашу перестройку с самолётом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка?»

И словно в подтверждение этих слов в ту самую минуту, как Евдокимов об этом подумал, самолёт сорвался с места и, стремительно набирая скорость, понёсся по мокрой полосе. Капли дождя струйками побежали по стеклу иллюминатора. Аэробус продолжал разгоняться, вздрагивая на стыках. И всё бежал и бежал, пока наконец тяжело, с трудом не оторвался от полосы и не стал медленно набирать высоту – при резком наборе при такой массе, казалось, могли бы обломиться крылья.

Евдокимову приходилось летать прежде, во времена бесшабашной юности, когда ни в одной из советских газет не писали о крушении самолётов, а это означало, что не было и катастроф, и поэтому летать было одно удовольствие. Теперь, когда правда стала доступной и кру-

шения время от времени происходили, полёты перестали доставлять удовольствие, и если бы не крайняя необходимость, Евдокимов ни за что бы не полетел.

О приятности полёта не могло быть и речи, хотя похожие на картинки из киножурналов китайские (поскольку экипаж был китайским) стюардессы попытались его скрасить, сразу после набора высоты начав развозить на тележках соки, воды, вино. Евдокимовы попросили светлого вина. Оно оказалось китайским, ужасно противным, и они его не стали пить. На ужин наобум взяли похожее на конину сильно перчёное мясо, нарезанное дециметровыми квадратиками. Возможно, это был шашлык, усердно жуя который Евдокимов так и проглотил его недожеванным – не до конца же полёта жевать?

Разница во времени была в пять часов, а лететь предстояло семь с половиной, таким образом, в семь тридцать по местному времени должны были приземлиться в Пекине.

– У них сорок два градуса, па, представляешь!

Сорок два Евдокимов, разумеется, представить не мог.

После того как пробились через дождевые облака, открылось идеальной голубизны небо. И по крылу самолёта, если бы не болтался элерон, невозможно было определить, что летят. Поскольку двигались навстречу солнцу, стемнело быстро. Всё было ничего – и вдруг наступила ночь.

После ужина дочь немного поболтала, повозилась и, опустив шторку, заснула.

Евдокимов же уснуть, даже чуть-чуть вздремнуть так и не смог. Он или забыл, или просто не обращал прежде внимания, что в какие-то периоды самолёт начинает трясти: летит, летит и вдруг задрожит всем корпусом. И тогда принимался молиться. А молещик из него ещё тот! Как в поговорке: гром не грянет, мужик не перекрестится. Однако и навернуться с такой высоты в его планы не входило (можно подумать, в чьи-то планы это входит!). А вообще такой зависимости от висения в районе стратосферы буквально на волоске Евдокимов не испытывал никогда, ну и чего-то лепетал.

Однако не всё время молился и, поглядывая на беспечно спящих пассажиров, время от времени смотрел на светящийся экран не выключаемого во всё время полёта телевизора. Шла какая-то китайская дребедень. Кто-то за кем-то гонялся, висел на мизинце над пропастью, стоял, как балерина, на крышке фарфорового чайника, взмывал в небо или коршуном падал вниз, разя толпы недругов мечом направо и налево. Похоже, китайцам это нравилось. Этакое развлекательное зрелище для подростков. Хотя бы йота правды, хотя бы капля действительности! И Евдокимов отводил в сторону глаза, старался не глядеть, а через некоторое время смотрел опять, пока наконец не закрыл глаза.

Он мог закрыть их гораздо раньше, но он уже знал, стоит ему это сделать, как тут же провалится в бездну. Он проваливался в неё постоянно, словно пытаясь уцепиться за спасительную соломинку, а соломинка всё обрывалась и обрывалась...

* * *

Они познакомились с Аней на втором курсе музыкального училища, на новогоднем вечере. Тогда Евдокимов сыграл одного из самых забавных персонажей по имени Калибан в переделанной для борьбы с «опиумом для народа» сценке из шекспировской «Бури».

Сцена из «Бури» Шекспира

место действия – необитаемый остров в океане.

Действующие лица:

Калибан, *местное чудище*.

Стефано и Тринкуло, *матросы, спасшиеся после кораблекрушения*.

У новогодней ёлки стоят Тринкуло, Стефано с бутылкой вина в руке, перед ними на четвереньках Калибан. Они пьют по очереди из горлышка

Стефано. А ты горевал, где нам взять третьего. Смотри, как лакает?

Тринкуло. За неимением нормальных людей приходится пить с уродами. И много у тебя этого добра?

Стефано. Целая бочка. Мой винный погреб под скалой. Если бы не эта бочка с хересом, ни за что бы не уцелел после кораблекрушения.

Тринкуло. Или, заболев от простуды, дрожал от лихорадки, как этот болван. Смотри, а ему понравился херес. Эй, дурачина, хочешь ещё? Стефано, дай ему глотнуть.

Стефано даёт Калибану глотнуть

Стефано. Ну как?

Калибан. О-о, владыка, скажи, на остров с неба ты сошёл?

Стефано. А ты как думал! Прямым с луны свалился. Ведь прежде жил я на луне. А ты не знал?

Калибан: О-о, ты – мой бог!

Стефано. Да? Тогда приложись к моему евангелию.

Даёт Калибану ещё глотнуть

Тринкуло. Да он сейчас её опустошит!

Стефано. Ничего, я без труда наполню её новым содержанием.

Калибан. Пойдём, я покажу тебе весь остров! Отныне я стану ноги целовать тебе! Прошу тебя, будь моим богом!

Тринкуло. Да этот болван – хитрец и пьянчуга. Как только его бог уснёт, он тут же выкрадет у него евангелие.

Калибан. Хочу тебе я в верности поклясться!

Стефано. Да? Тогда целуй евангелие (*даёт поцеловать бутылку*). Ну, а теперь клянись.

Калибан. Клянусь, отныне за тобой пойду в огонь и в воду, о, мой человекобог!

Тринкуло. Вот умора! Ай да болван! Из ничтожного пьянчужки бога себе сотворил!

Калибан. Почему он надо мной смеётся?

Стефано. Не слушай его! Хочешь, назначу тебя главнокомандующим или моим знаменосцем?

Тинкуло. Главнокомандующим ещё куда ни шло, поскольку командовать тут некем, а вот знамя ему точно не удержать. Смотри, как его разобрало, на четвереньках еле стоит!

Стефано. Помолчи! Дай ему сказать.

Калибан. О, бог мой, позволь лизнуть тебе сапог?

Тринкуло. А больше ничего лизнуть не хочешь?

Калибан. Ты на что намекаешь?

Тринкуло. Я намекаю на то, на чём сидят (*в сторону*) на горшке.

Калибан. О-о, бог мой, я готов лизать тебе всё, что прикажешь!

Тринкуло. Сразу видно искренне верующего и беззаветно преданного человека. Стефано, дай ему за это ещё разок приложиться к твоему евангелию.

Стефано даёт Калибану глотнуть

Калибан. А этому насмешнику служить не стану. Не дай меня в обиду, государь!

Тринкуло. Ха! Я не ослышался, этот дурак сказал – «государь»?

Калибан. Да он опять смеётся надо мной? Убей его!

Стефано. Тринкуло, предупреждаю, если ты не перестанешь издеваться над этим ангелом, придётся посчитать твои рёбра.

Калибан. Спасибо, государь! Клянусь... дай приложиться к твоему евангелию... (*лакает*). О-о, божественный напиток! Не знаю, на небе я уже или ещё на земле!

Тринкуло. Ты вроде бы хотел поклясться?

Калибан. Знаю без тебя!

Тринкуло. Тогда клянись. Стефано, пусть клянётся на твоём евангелии.

Калибан (*кладёт лапу на бутылку*). Клянусь, отныне на острове ты для меня бог, владыка и государь, а я покорный лизальщик твоих сапог!

Тринкуло. Аминь.

Стефано. Ну, а теперь споём наш гимн!

Поют:

Чихать на всё, плевать на всё —
Свободны мысли наши!
Чихать на всё, плевать на всё —
Свободны мысли наши!

Занавес.

Потом начались танцы. Евдокимов костюма не снимал и ходил героем, и далеко не сразу заметил, как одна чернявая девица при взгляде на него закрывает ладонью рот и отворачивается. Ему это наконец надоело, и он пригласил её на танец.

Так началось их знакомство. Тогда он уже играл в вокально-инструментальном ансамбле в местном клубе и очень этим гордился. В училище занимался на отделении «Музыкального искусства эстрады», Аня – фортепьяно и академическим вокалом. Особыми данными она не располагала и, понимая это, подумывала о преподавательской работе. Евдокимов же был одним из лучших и по окончании училища поступил на третий курс Московского института культуры по классу композиции, который мог бы и не окончить по причине свалившейся на него сначала подпольной, а потом, благодаря перестройке, всероссийской славы. Это было время самых драматичных отношений. В училище они друг на друга наглядеться не могли, а тут...

Впрочем, всё это было потом, тогда же каждый вечер после занятий Евдокимов провожал Аню. Они долго бродили по улицам, иногда ходили в кино или заходили в кафе-мороженое, но куда чаще стояли в подъезде. Музыка они любили оба – и классическую, и народную, и эстрадную – и могли говорить о ней часами. И всё-таки музыка не была единственным предметом их разговоров. Говорили и о кино, и о прочитанных книгах. Но ещё больше им нравилось держаться за руки и украдкой целоваться в темноте подъезда.

Первое время, посещая их репетиции, Аня даже пробовала петь, но у них уже была солистка, и пела она, к сожалению, лучше. Ребята понимающе разводили руками, а Евдокимов не решался об этом Ане сказать. И когда она догадалась, произошла первая ссора: почему молчал? Однако дулась недолго. Да и на что? А вообще, как она им гордилась, какими счастливыми глазами смотрела на него во время концертов, на танцах, во время которых никогда и ни с кем не танцевала!

Когда Евдокимов вспоминал то время, ему казалось, что тогда буквально всё вокруг пело. Пели магнитофоны, проигрыватели, радиоприёмники, уличные колокольчики. Пели в город-

ских домах культуры, сельских клубах, парках, университетах, институтах, техникумах, училищах, школах, детских садах. Пели в каждом дворе, на каждой улице, в квартирах, подъездах, на лестничных площадках. Пели у ночных костров, походных палаток, в поездах дальнего следования, заказных автобусах.

Никогда ещё песня не была таким властелином умов и столь обнаженным нервом жизни, как во времена появления первых электрогитар, в то удивительное время негласного союза молодёжи всей планеты, когда казалось, не было гор, которые нельзя было не свернуть. Всё, что происходило вокруг – космонавтика, технический прогресс, противостояние систем, – воспринималось в виде незначительного обрамления того, чем были поглощены буквально все.

Это было невозможное ни для каких идеологических ухищрений время, когда во всех странах мира молодёжь пела одни и те же песни на одном и том же языке. От этих песен, как от родников, по всей земле растеклись ручьи и реки, орошая готовую к плодоношению почву новой весны человечества, весны молодых чувств, того неповторимого времени, когда даже «Цветы» пели («с целым миром спорить я готов... в том, что есть глаза у всех цветов, и они глядят на нас с тобою...»), а гитары были не только электрическими, но и «поющими» и «голубыми».

Это было время поступи («алло, мы ищем») всё новых и новых талантов. Господствующая идеология в сердцах молодежи была поглощена музыкой совершенно. И хотя чиновники всячески пытались вклиниваться в репертуар, ни одна из обязательных в концертных программах песен не находила отклика ни в одном сердце и не овладела ни одним умом. Они относились к той обязаловке, от которой, как от чумы, шарахались со школы. Их просто-напросто терпели, как терпят выживших из ума родственников, брюзжащую соседку.

Это было время, когда семиструнные гитары уходили в историю, шестиструнные были в дефиците, а электрогитар не было вообще, и по всей стране развернулось их кустарное производство. Это же касалось и усилителей низкой частоты, и акустики. А микрофоны! А ударные установки! Да что там, даже шнуры и разъёмы составляли дефицит!

Качество извлекаемого звука от самодельных гитар было отвратительным, но вскоре появились заводские. Лучшие ударные установки и аппаратура привозились из-за рубежа, гитары – тоже. Всё это стоило сумасшедших по тем временам денег и было доступно далеко не всем. И, однако же, это не мешало появлению всё новых и новых вокально-инструментальных ансамблей.

Охватить всё, что происходило тогда, физически невозможно. Но если от одной капли воды можно получить представление об отразившемся в ней солнце, так по истории одного ансамбля можно получить представление о целой эпохе.

Ансамбль, в котором играл Евдокимов, был создан задолго до появления названия и, разумеется, до того, как у них появились приличные инструменты и аппаратура. Каждую пьесу они оттачивали до совершенства. На это уходило всё свободное время, и довольно часто приходилось засиживаться в клубе допоздна.

Их посёлок был окраиной города. Несколько таких же поселков с различными названиями входили в эту округу. И там, где имелись клубы, были свои ансамбли.

В Питере Евдокимов упомянул о своём первом выступлении. Это ещё не было самостоятельным концертом и случилось задолго до того, как они стали играть на танцах, а выступили тогда в составе художественной самодеятельности. Сначала пел хор, потом развлекал публику хореографический ансамбль, и в самом конце выпустили их.

Перед выступлением закрыли занавес, чтобы установить аппаратуру, и на это ушло минут десять. Зал был битком, и Евдокимов хорошо помнил, какое волнение вызывало в нём его нетерпеливое гудение.

Наконец всё было готово, занавес поплыл, волнение в зале стало стихать, сотни любопытных глаз устремились на сцену, а Евдокимову казалось, на него одного, стоявшего впереди перед микрофоном с гитарой.

Когда послышался счёт палочек, Евдокимов от волнения начало вступления пропустил. Не проглотил, как сказал, пару слов, а просто не сумел вовремя начать. В зале послышались ехидные смешки. Однако Евдокимов сумел взять себя в руки и, несмотря на затянувшийся до неприличия проигрыш, начал:

Для меня нет тебя прекрасней...

И, заметив, как по залу прошла трепетная волна, приободрился.

*Но ловлю я твой взор напрасно.
Как виденье, неуловима,
Каждый день ты проходишь мимо.*

Затем пела их солистка. Поскольку далеко не всем из старшего поколения их «модные песни» были по душе, её выступление прошло на ура. А пела она:

*Три слова, будто три огня,
Придут к тебе средь бела дня.
Придут к тебе порой ночной,
Огромные, как шар земной.
Как будто парус – кораблю
Три слова: «Я тебя люблю».
Какие старые слова,
А как кружится голова,
А как кружится голова.*

И головы от этих слов тогда действительно у многих кружились. Что ни говори, а такие, как эта, да и предыдущая песня, были культовыми. Не «Ленин – в моей мечте», а «она», как видение проходящая мимо – в школе, на улице, в трамвае, троллейбусе, электричке, на танцах...

И они добавляли:

*Вот уже и не слышны
В тишине шаги твои.
Словно не было весны,
Словно не было любви.
Взгляд при встрече отведу,
И пускай щемит в груди.
Я к тебе не подойду,
Я к тебе не подойду,
И ты ко мне не подходи.*

А какой ажиотаж вызывало на танцах (на концертах это не разрешали петь) уже одно музыкальное вступление к «Hotel California»! А какой драйв производил припев!

Welcome to the Hotel California.

*Such a lovely place (such a lovely place),
Such a lovely face.
Plenty of room at the Hotel California
Any time of year (any time of year), you can find it here.*

А если ещё во время исполнения на тебя устремлены самые любимые, самые преданные на свете глаза! Это было таким счастьем!

А потом...

В общем, в институт они поступили в один год и жили в общежитии. И вот там, в одну из вечеринок с застольем, в нетрезвом виде, в одной из комнат общежития между ними «всё это» и произошло. Для обоих «всё это» было впервые. И хотя между ними о том не говорилось ни слова, как бы само собой разумелось, что рано или поздно они всё равно поженятся. И так бы, наверное, вскоре и случилось, не подхвати его вихрь славы, а вместе с нею и дурные деньги, и море поклонниц. Евдокимов перестал появляться в общежитии.

После того что произошло, Аня из прежней гордой девчонки превратилась в какую-то безгласную, покорную, готовую на всё ради него рабыню. Надо ли говорить, как сразу упала она в его глазах? Не то чтобы разонравилась, нет, но после той ночи в их отношения вошло нечто безвкусное, да ещё на фоне шума эстрады, визга толпы, моря поклонниц, некоторые из которых были куда эффектней как бы забившейся в угол Ани.

Это продолжалось около года, во время которого Евдокимов разве что ноги об неё не вытирал. Верёвки из неё вил. Аня всё терпела. И даже не терпела, а как должное принимала. Как собачонка за ним таскалась. Не в том смысле, что проходу не давала, а свистнет, прибежит, топнет ногой, в конуре скроется и носа не высовывает, пока снова не позовёт. Как умерла. Но именно это его и бесило. Даже кричал на неё не раз, а если, мол, скажет, чтобы глаза его её больше не видели, тоже буквально исполнит? «Да». И так это «да» скажет, просто взял бы и задушил! Даже проучить пытался, не появляясь в общежитии месяцами. И первый же этих разлук не выносил. Сначала вроде бы ничего, свобода, что хочу, то и ворочу, а потом сосать начинает. Как представит, что ею уже кто-нибудь владеет, раз безответная она такая, и нехорошо станет. До того аж, что места себе не находил. Со всеми в ансамбле перецапается. Вот так вот стиснет зубы: «Не пойду!» Но стоит принять на грудь, и тащится в общежитие. Аня спускается вниз, подымает на него покорные, готовые на всё глаза. Даже с какою-то злобою он выщедит сквозь зубы: «Пошли». Ни слова не говоря, оденется, выйдет. Идут. Едут. И всё между ними на квартире приятеля опять происходит. А потом снова как баран упрётся: рано, и вообще всё это не то...

А как предложение сделал! Скажи кому, не поверит! После очередного перерыва, весь на взводе, злой как чёрт приходит в общежитие. «Одевайся», говорит. Оделась. «Идём». Спускаются в метро. Одну пересадку делают, вторую. Выходят на Воробьевых горах. Ночь. На улице ни души. Идут. Долго шли. Вдоль чугунного ограждения. Останавливается наконец он. Замирает в шаге от него она, как тень. В глазах ужас. Призналась потом: «Думала, убивать меня собрался». А он с такою злобой, с такою ненавистью, оттого что ничего с собою поделат не может: «Ну всё, – говорит, – хватит, замуж за меня выходи». Ничего она ему на это не сказала. Да и чего говорить? На другой же день и подали заявление. Кто бы знал, в каком раздразе до самой регистрации он находился! Драгоценной свободушки незнамо как было жаль. Как перед казнь. Жуть внутри, жуть впереди, и в эту жуть его как быка на цепи тянут...

Ну а потом началась другая жизнь. Родилась Женя. Тогда уже пришла очередь перемениться ему, а вскоре завязал и с эстрадой. Не захотел работать на паханов. Они тогда весь шоу-бизнес данью обложили, и с теми, кто не желал платить, жестоко расправлялись. Да и другие приоритеты объявились. Евдокимовы вернулись на родину. На заработанные им дурные деньги купили трёхкомнатную квартиру. Аня устроилась в музыкальную школу, стала петь в

архиерейском хоре. А вскоре и Евдокимов стал его посещать, правда, не регулярно, семью надо было кормить, и он торговал компьютерами.

Ещё во время учёбы в училище по классу фортепьяно Аня стала брать дочь на спевки архиерейского хора, а потом ввела в состав. Тогда в кафедральном соборе постоянно появлялись молодые ребята, готовящиеся к принятию сана. С одним из них Женя и завела знакомство. А буквально через месяц вдруг объявила, что выходит замуж, поскольку владыка её избраннику велел срочно подбирать невесту. Так накануне своего совершеннолетия Женя стала женой священника. В дьяконах зятя подержали недолго. Затем иерейская хиротония, а ещё через пару недель отправили на только что открывшийся приход. И хотя это были не руины, однако же и далеко не то, что можно называть храмом.

Дело прошлое (винил Евдокимов одного себя), ладно Аня, у неё от храмовой идиллии вполне мог помутиться рассудок, но у него-то, человека трезвого и много чего повидавшего, почему не возникло подозрение, когда при первой же встрече с зятем заметил странное подёргивание головы? Подумал, может, волнуется, бывает. Да и стали бы больного человека рукополагать?

А тут и началось. Разумеется, не сразу. Сначала родилась Маша. И когда ей исполнился год, у неё оказалась вывихнутой рука. Евдокимов никогда не умел водить машину, зато Аня, а потом и Женя, как только появилась возможность, сразу выучились на права. Поскольку Евдокимов был занят работой, Аня частенько навещала дочь одна. Да и ехать до райцентра, где жили молодые, не больше часу. И вот вскоре после этих поездок, а становились они всё чаще, Аня стала привозить нерадостные вести. Ещё до вывернутой Машиной ручки. Сначала у Жени появился запудренный синяк под одним глазом, затем под другим, потом ноги, а затем руки оказались в синяках. На всё это следовали невероятные объяснения: споткнулась, запнулась, нечаянно задела за косяк двери... Евдокимову это сразу же показалось странным, но Аня с жаром уверяла, что дочь не стала бы от неё ничего скрывать. И так продолжалось до того дня, когда был изувечен ребёнок.

Женя приехала ночью с Машей на такси в слезах и всё рассказала. Оказалось, зять не только постоянно избивал, но и совершенно запугал дочь. Таким образом, бегство было криком отчаяния и страхом не столько за себя, сколько за малолетнюю дочь.

Евдокимовы тут же пожаловались владыке. Зятя направили на медкомиссию и обнаружили какую-то мерцающую шизофрению. Над дочерью, над ребёнком как только он не измывался. Евдокимову бы и в кошмарном сне такое не приснилось. Он готов был зятя убить...

И тут случилась беда с Аней.

Скорее всего, попала она в аварию из-за того, что слишком много думала о постигшем их горе. Она даже спать перестала, так её всё это мучило. Евдокимов несколько раз советовал жене обратиться к врачу, она даже и слушать не хотела. И однажды, очевидно, в таком взвинченном состоянии выскочила на перекрёстке на красный свет, и её на полном ходу сбил огромный джип. Умерла в реанимации. Травмы оказались несовместимыми с жизнью. Таким образом, они остались втроём, если не считать его и Аниных родителей.

Но если бы только это, хотя что может быть хуже, и тем не менее это ещё не всё.

Глава четвёртая

Владыка и не подумал запретить зятя в служении. Более того, он пригласил Женю на приём, после которого она вышла как из бани, на вопросы не отвечала, смотрела себе под ноги, хмурилась, а потом заявила, что «в эту церковь больше ходить» не будет. Евдокимов пытался выяснить причину, приставал с вопросом, что случилось, на всё Женя упрямо отвечала: «Ничего. Просто не буду и всё». А потом всё-таки рассказала, после чего и Евдокимов перестал ходить «в эту церковь», хотя от Бога их с дочерью это не оттолкнуло.

Произошло это уже при новом владыке, устроившем в пределах тогда ещё не разделённой епархии нечто вроде той «вертикали власти», начало которой было положено судьбоносным «я ухожу», когда при официально декларируемой заботе о народе и самого беззастенчивого вранья казнокрадство, разбазаривание государственной собственности, методичное высушивание экономики и планомерное обнищание народа достигли катастрофических размеров. Кто на кого повлиял, Евдокимов не знал, но сходство в методах обнуления «чужих» карманов ради прибавления нулей к ничтожной единице в «своих» было очевидным.

Наглядной иллюстрацией новой экономической политики стали ежегодные епархиальные собрания.

«Единица» сидела на сцене, «все остальные» – в зале, и нарушить это соотношение было немислимо, поскольку «единица» производила впечатление такого подавляющего большинства, перед которым «все остальные» представлялись совершенным ничтожеством.

Однако сколько на эту тему ни говори, считал Евдокимов, а лучше, чем в запущенной каким-то балбесом в «сетевые облака» сказке, не скажешь.

ДВА ЦАРСТВА

Когда-то давным-давно были на свете два царства: Оловянное и Деревянное. Главное их отличие заключалось в том, что Оловянное можно было переплавить во что угодно и сколько угодно раз, отчего суть его не менялась, тогда как Деревянное так задубело, что его можно было только сжечь либо выкорчевать и на его месте насадить и взрастить новое. По этой причине жить в последнем было далеко не сладко, а потому его называли ещё Великой смиренней, разделенной на Верхнюю, Среднюю, Нижнюю и все остальные. В отличие от Оловянного царства, не было в Великой смиренней ни царя, ни думного боярина, а всё управление состояло из одинаковых по царственному достоинству лиц с ненастоящими именами, которые время от времени избирали из своей среды кого-нибудь для того, чтобы тот делал вид, что управляет всем царством, поскольку любой из этих лиц мог объявить себя главным не только во всём царстве, но и на всём белом свете, что по недогляду однажды и произошло на одной из окраин. По той же причине каждый из этих лиц в пределах своего штата что хотел, то и творил.

Ничего выдающегося до недавнего времени в этих штатах не происходило, пока в один из них не было прислано лицо, наделённое чудесным свойством излагать никому не приходящие в голову мысли. И первой оказалась та, что, оказывается, у них, нижесмиренцев, поскольку дело происходило в Нижней смиренней, была нарушена вертикаль власти. А поскольку нижесмиренцы были заинтересованы в том, чтобы всё у них было тип-топ, они тут же приступили к претворению в жизнь никому не приходящих в голову мыслей, изрекаемых лицом с ненастоящим именем или главным лицом.

Для того чтобы понять значение происходящих событий, надо хотя бы вкратце пересказать историю Нижней смиренней, но поскольку за ненужностью она была предана забвению и официально было принято считать, что началась она с прибытия главного лица, сведений о прежней жизни не только в памяти неблагодарных, но и благодарных потомков не сохранилось. И если кому-то взбрело в голову заговорить о том, как было раньше или как идут дела

у соседей, его тут же отправляли за штат Нижней смирения или отлучали от участия в торжественных собраниях, после которых каждому непомнящему родства давали вкусить эликсир вечного младенчества, а плохие поступки предавали совершенному забвению. Таким образом, каждую неделю жизнь нижесмиренцев начиналась с чистого листа. И это было очень удобно, поскольку по причине беспамятства никто ни на кого не держал зла и все упражнялись в новой форме смирения, суть которого заключалась в преданности никому не приходящим в голову мыслям.

В то время когда лица с настоящими именами, или немые вассалы, занимались выколачиванием из нижесмиренцев добровольных пожертвований на содержание аппарата, способного создавать давление на массы, вокруг Нижней смирения происходили события, которые никакого отношения к никому не приходящим в голову мыслям не имели. Однако когда в том или ином месте материализации этих мыслей по какой бы то ни было причине не происходило, немым вассалам выдавался указ, лишавший их обретения чужой наличности. Как из преисподней, назад дороги не было никому, даже если бы кто в знак безграничной преданности и захотел совершить подвиг: например, написать оду «бог», имея в виду совершенно иного «бога», в которой обязательными были слова, что мы-де «не кланялись богу чужому», или оперу, которая, а точнее, которому писали все, кто мечтал о приобретении чужой наличности. И если бы где-нибудь в закоулках Нижней смирения возникла мысль о том, что главное лицо могло ошибаться в никому не приходящих в голову мыслях, её тут же бы развенчали как научно несостоятельную, посягающую на незыблемость аппарата, способного создавать давление на массы.

Такое положение на языке нижесмиренцев называлось сосуществованием, хотя некоторые настаивали на названии, имеющем отношение к классической музыке (к симфонии, например). Но поскольку данная музыка у многих играла на нервах, во избежание искажения никому не приходящих в голову мыслей наименования этого решено было категорически избегать.

И нам уже ничего не остаётся, как только перейти к изложению событий, происходящих при воплощении в жизнь никому не приходящих в голову мыслей, изрекаемых главным лицом в пределах одного штата.

Штат был разбит на округа, управляемые постоянно сменяемыми ввиду недостаточной преданности никому не приходящим в голову мыслям лицами окружными. Для управления окружными лицами был назначен двуличный секретарь. Два лица ему были даны для того, чтобы с одним, не тошнотворным, общаться с главным лицом, а со вторым, тошнотворным, со всеми остальными, а поскольку выражения лиц были разными, секретаря и принято было называть двуличным.

В округах развернулось гигантское строительство новых помещений для выколачивания, согласно ежемесячным финансовым планам, добровольных пожертвований на содержание аппарата, способного создавать давление на массы. За исполнение финансового плана отвечал оперативный отдел, называемый по-латыни «keerge» (komitet regouliarnogo grabiega). Руководителем «keerge» (несклоняемо по причине иностранного происхождения) стало лицо, которое никто бы и за лицо не считал, кабы не приобрело оно такую значительность, что даже поговаривали о его идентичности с лицом главным.

Таким образом, после того как была высказана никому не приходящая в голову мысль об отсутствии в Нижней смирении вертикали власти и она была высечена на скрижалях последнего завета, тут же приступили к её претворению в жизнь.

Сказать, что это всем пришлось по душе, было бы неверно. Но поскольку ни в штате Нижней смирения, ни за его пределами не нашлось достаточного количества лиц для неисполнения никому не приходящих в голову мыслей, дела у главного лица пошли в гору, откуда, как уверял двуличный секретарь, была видна прямая дорога в рай.

Работники «keerge» отличались особенной преданностью к никому не приходящим в голову мыслям. Например, время от времени совершали внезапные наезды на заведения,

созданные для выколачивания добровольных пожертвований на содержание аппарата, способного создавать давление на массы. И если при таком наезде в сумке работника заведения обреталась, к примеру, тысяча рублей, её тут же священным актом заносили в разряд скрытых доходов, умножали на количество годовых собраний (скажем, на двести) и получали сумму штрафа, который налагался на провинившееся заведение. То же самое происходило, если возле ящиков с песком обнаруживали необожженные лучины, которые зажигали во время собраний для того, чтобы лучше видеть текст никому не приходящих в голову мыслей. Необожженные лучины тоже относили к разряду скрытых доходов – иначе могущих быть проданными дважды, трижды и даже четырежды, в зависимости от штрафа, который надлежало наложить на могущее провиниться в будущем заведение. При этом всех работников заведений заранее было принято считать жуликами.

Никакие жалобы на такое обращение работников «keerge» не имели успеха. Штрафы и налоги взимались с ещё большим усердием, поскольку от их количества зависели премиальные сотрудников «keerge». И это несмотря на то, что облагаемым добровольными пожертвованиями заведениям не на что было вести текущий ремонт, купить на зиму угля для котельной, свести концы с концами, а семьям довольно часто приходилось сидеть без куска хлеба. Но это в рассуждение главного лица уже не входило, ибо им признавались только нужды великие.

Одним из основополагающих принципов утверждения вертикали власти являлось постоянное перемещение с места на место немых вассалов. Главное лицо совершенно справедливо полагало, чем труднее будет добираться до нового места работы, тем преданнее и безропотнее будет немой вассал, и для той же цели время от времени из самых низов поднимало на воздушном шаре на головокружительную высоту какого-нибудь очередного вассала и в один прекрасный день, без объяснения причин, неожиданно протыкало шар острой указкой. Смотреть на это было так смешно, что даже вошло в привычку.

Помогал в отпращивании этой невинной забавы главному лицу двуличный секретарь, в обязанность которого, кроме всего прочего, входило затемнение сути никому не приходящих в голову мыслей. И дело это он вёл так, что все понимали: обратиться к никому не приходящим в голову мыслям всех невозможно вовсе не потому, что жалко, а потому, что тогда не только Нижняя, но и Великая смирения превратились бы в никому ненужный рай. Ненужный по той причине, что у большинства подданных сразу был бы отнят смысл жизни. Тогда, упаси Боже, никому и ни о ком уже не надо было заботиться, никого и ни от кого защищать, а поскольку никто и ни в чём не испытывал бы нужды, люди превратились бы в овощи, которые не грызли бы даже созданные для угрызения совести черви, а точнее – паразиты. А этого допустить было нельзя: паразитам тоже хотелось жить.

Как, впрочем, и паразитам царства Оловянного, ибо далее речь о нём.

С тех пор как в Оловянном царстве был установлен день независимости, все подданные разделились на смешливых, сердитых и всех остальных. Смешливые смеялись потому, что их смешили сердитые, а сердитые сердились потому, что их сердили смешливые. Все остальные были как дети и все вечера напролёт смотрели по телевизору сказку про будущую счастливую жизнь.

Сказка была про то, как в одном сказочном лесу жили сказочно прекрасные Тимочка и Лёвочка. И хотя они были маленькими, ввиду отсутствия в лесу других людей, они управляли всем сказочным царством, населённым сказочными зверями и птицами. Звери, по сути, были одинаковыми, а вот птицы разными, но все пели одно и то же: «Какой хороший Тимочка! Какой хороший Лёвочка!»

Каждый день на лесной полянке в сказочном теремке, обнесённом высоким частоколом, Тимочку встречал Лёвочка. И хотя был он старше, так уж они с Тимочкой договорились, чтобы никому не было обидно, управлять сказочным царством они будут по очереди. В этот год,

например, Тимочка был царём, а Лёвочка думным боярином, на другой год Лёвочка – царь, а Тимочка – думный боярин.

В свободное от царских и боярских забот время Лёвочка катался на попке с горки, купался в ручейке и боролся с собственной тенью, а Тимочка все дни напролёт катал по блю-дечку наливное яблочко, чтобы видеть, что есть на белом свете и чего бы такое в собственном царстве учинить, чего ещё ни у кого не было, после чего, пошептавшись с Лёвочкой, они писали царские указы и рассылали для немедленного исполнения по всему сказочному царству. Но поскольку ни звери, ни птицы человеческой грамоты не разумели, царские указы оставались без употребления, и всё продолжало течь по-прежнему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.